

Психическая бисексуальность: отцовский перенос

Э. В. Тузмухаметов

Тузмухаметов Эльдар Вячеславович – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Концепция психической бисексуальности постулирует наличие и мужских, и женских идентификаций во всех индивидах, вне зависимости от их пола и ориентации. Это ставит психическую бисексуальность в центр не только психоаналитического, но и социокультурного пространства. Фокусируясь на теме психической бисексуальности в отцовском переносе в гетеросексуальных аналитических парах, я рассматриваю ее не только как один из инструментов эффективной аналитической работы, но и как перспективную концепцию для интроекции идей равноправия полов, феминизма и новой маскулинности в личную, психическую и социальную жизнь каждого индивида.

Ключевые слова: *психосексуальность, психическая бисексуальность, бисексуальность, мужское, женское, отказ от женского, пассивация, отец, перенос, контрперенос, отцовский перенос, новая маскулинность.*

В опубликованной в 1975 году статье «Прекрасные различия» Кристиан Давид писал о проблеме избыточного разделения или, напротив, смешения мужского и женского. По его словам, «дробление сексуального выбора и контрастирующее упрощение врожденных склонностей и характеристик каждого из полов» может увеличивать либидинальное напряжение. Оно благоприятно сказывается на воспроизводстве вида, но ставит под угрозу «живое общение между людьми и подлинные обмены между мужчинами и женщинами» – «кладется конец поиску потенциального сродства и близости, а также возможности для согласия и единства». С другой стороны, если «бисексуализация простимулирует раскрытие мужской

и женских вселенных» и усилит общность между мужчинами и женщинами, общество станет более живым и полным, но либидинальное напряжение при этом ослабнет: «бисексуализация будет способствовать разгрузке влечения... и вскоре то, что, казалось, могло только расширить или создать коммуникацию, разрушит ее, и счастливая интроекция иной сексуальности превратится в нарциссическую андрогинную фантазию».

Предостерегая в равной степени и от чрезмерного разделения, и от смешения мужского и женского, Давид помещает сформулированную еще Фрейдом концепцию психической бисексуальности в центр проблематики социально-культурного развития общества. Спустя почти половину столетия обе полярности – и разделения, и смешения – действительно получили значительное развитие. На семинаре в Высшей школе экономики осенью 2021 года Жаклин Шаффер обратила внимание, что феминистское движение все чаще отдаляется от женского и начинает функционировать в фаллической логике – идея о равенстве доводится до абсурда, теряет пластичность и в итоге только усиливает разделение. Мужское и женское начала оказываются не взаимодополняющими, а все также противоборствующими и взаимоисключающими, как и на закате викторианской эпохи.

Как противоположность тотальному разделению Мария Айзенштайн и Харви Рич указывают на опасность «моды на нейтральный гендер». 1 ноября 2013 года Германия, пишут они, стала первой страной Европы, где родителям разрешено регистрировать в графе «пол ребенка» нейтральный гендер: «Это социальное явление опасно, так как под предлогом стремления к достижению большего равенства атакуются сами основы психосексуальной идентичности, что создает риск нарушения формирования психической бисексуальности... Это явление основано на реальном непонимании, поскольку вместо того, чтобы способствовать интеграции различий, оно стремится стереть их».

Наконец, если выйти за пределы гетеросексуальных отношений, на которых фокусируется эта статья, мы обнаружим сформулированные Де Лаурентисом и Джудит Батлер в начале 1990-х идеи множественных сексуальных идентичностей и выбора, а также гендера как представлений, которые легли в основу квир-теории. Грегорио Кохон также обнаруживает в них попытки отказа от принятия естественных для человеческой субъективности разделения и взаимодополняемости – но в пользу не тотальной нейтральности, а бесконечной вариативности, столь же ригидной по своей сути: «Мы перешли от концепции бисексуальности... к политически корректной форме социального конструкционизма».

Социокультурные движения находят отражение и в аналитической практике. Идеи об асексуальном нейтральном гендере, сформулированные Андре Грином, или истерической бисексуальности как защите от выбора (Шаффер), или фаллической прегенитальной сексуальности в виде «замершего женского» (Чаплин), а также многие другие формы являются распространенными среди наших пациентов. Аналогично, как показывает аналитическая практика, не находит решения и не ослабляется сформулированная Фрейдом в 1937 году проблематика «отказа от женского»

(или «мужского протеста») как основного барьера на пути психоаналитического лечения, выраженного у мужчин в страхе перед пассивной позицией, а у женщин – в виде зависти к пенису: «Ни в какой момент аналитической работы не страдают больше от гнетущей тяжести повторяющихся усилий, от подозрений, что "наставляешь рыбу", чем когда хотят убедить женщину отказаться от нереализуемого желания иметь пенис или когда хотят убедить мужчину, что пассивная позиция по отношению к мужчине не всегда обозначает кастрацию и что она необходима во многих жизненных ситуациях» (Фрейд, 1937).

В то время как идеи «женского женского» и «женского мужского» получили значимое исследование благодаря развитию равноправия и феминистского движения, «мужское мужское» и «мужское женское» оказываются в положении отстающих – концепция новой маскулинности только формируется, но уже обнаруживает в себе признаки стереотипизации и ригидности. Данная статья, исследуя практические аспекты работы психической бисексуальности в отцовском переносе в гетеросексуальных аналитических парах, является также попыткой проложить мостик между основными концепциями психоаналитической теории и задачей переосмысления маскулинности и мужской роли в современном мире.

1. Двойное подстрекательство аналитического процесса

Фрейд утверждал в контексте бисексуальности всех человеческих существ, что каждый сексуальный акт следует рассматривать как процесс, в котором участвуют четыре человека. Мария Айзенштайн очень точно экстраполировала это утверждение на аналитический процесс, указав, что *«каждая встреча (аналитика с пациентом) – это тоже процесс с участием четырех человек»*, имея в виду биологический пол аналитика и пациента, а также их идентификации, связанные с противоположным полом. Роль, которую психическая бисексуальность играет в терапии, можно разделить на две значительные части: первая является универсальной и лежит в плоскости базовых задач и структуры психоаналитического процесса, вторая более специфична и касается особенностей психоаналитической техники и работы аналитика.

Первую составляющую практически одинаково формулируют Кристиан Давид и Тьерри Бокановски. Они говорят о «двойном подстрекательстве» (Давид, 1975), или «двойном столкновении» (Бокановски, 1997), которое совершает аналитик, одновременно тестируя психосексуальные характеристики и стимулируя психическую бисексуальность пациента, чтобы обеспечить его регрессию к психосексуальной неопределенности и создать условия для перераспределения его идентификаций и влечений. Вторая проистекает из первого: «двойное подстрекательство» осуществляется через ситуации переноса и контрпереноса, в которых, вне зависимости от их отцовского или материнского характера, равно как и пола аналитика, оказывается задействована его собственная бисексуальность и работают одновременно либо последовательно и «мужские», и «женские» компоненты психики.

Рейчел Чаплин указывает, что «психическая бисексуальность является желаемой целью и достижением аналитического сеанса» (Чаплин, 2018, с. 329). Она говорит о необходимости приобретения бисексуальности, несмотря на ее врожденный характер, и разделяет этот процесс на этапы: сначала переход от «слияния с идентичным объектом к первичной гомосексуальности», а затем «через отказ от фаллической бисексуальности к генитальной бисексуальности, в которой половые различия принимаются и интериоризируются». В случае, если на каком-либо этапе возникли препятствия или конфликты, влияющие на качество жизни, их преодоление и устранение становятся задачей терапии.

Проблемы психической бисексуальности чаще всего оказываются связаны со сложностями в отношениях с родительскими объектами: недостаточным инвестированием с их стороны, проблемами идентификации с одним или обоими родителями, трудностями сепарации и разрыва симбиотической связи с первичным объектом. Последствия этих трудностей могут быть приведены к расщеплению бисексуальности, выраженному в отсутствии либо нарушении связи и взаимодополняемости между мужским и женским; нейтральной либо фаллической бисексуальности, предполагающей полное стирание границ между мужским и женским и абсолютное доминирование первичного нарциссизма; доминирующей прегенитальной бисексуальности, ведущей к ощущению стирания границ Я. Бисексуальность,отреагирующая и фантазматическая, может также выступать в качестве защиты перед сексуальным выбором и дифференциацией. Радикальные формы «отказа от женского» или «мужского протеста», препятствующие необходимому для гармонии принятию пассивности, также являются проявлениями плохо организованной либо нарушенной психической бисексуальности.

2. Бисексуальная основа аналитической ситуации

Отцовский перенос разворачивается в рамках аналитического процесса, который изначально обладает целым рядом «мужских» свойств: это и жесткий кадр, и «изначально асимметричные отношения», которые ставят пациента «в положение подчинения» (Курню-Жанен, 2018). Сам анализ, как подчеркивает Гантрип Гарри, ссылаясь в свою очередь на труды Хоума и Винникотта, также «является мужской функцией – интеллектуальной деятельностью интерпретации». Однако, по его словам, все это основано на первичной «женской функции» интуитивного постижения и идентификации, или необходимой «инвестиции чувствительности», о которой пишет Натали Зилха (Зилха, 2018, с. 231).

Амбивалентный характер аналитической ситуации заставляет аналитика постоянно перемещаться между эмпатичной и воспринимающей женской позицией и структурирующей, проводящей границы мужской – это остается верным даже в условиях устойчивого отцовского переноса и применимо к любым этапам работы. Рейчел Чаплин говорит, что «соединение аналитика и пациента в сексуальном действии аналитического сеанса активирует процесс бисексуализации аналитика в той же степени,

как и процесс бисексуализации пациента, побуждая аналитика внутрипсихически колебаться между эмпирической пассивностью и репрезентативной активностью» (Перельберг, 2018).

Поль Дени называет аналитическую ситуацию парадоксальной, требующей от аналитика «сочетать в себе и хладнокровие хирурга, и понимающую симпатию» (Дени, 2010, с. 13). Он развивает идею о биполярной позиции аналитика, существующего и ведущего себя одновременно в качестве объекта (персоны, которая позволяет привлечь к себе либидинальную инвестицию) и антиобъекта (персоны, «отказывающейся быть инвестированной другим субъектом и способной предоставлять ему прямые удовлетворения»), называя это «двойственностью аналитика, присутствующего и ускользающего одновременно», и говорит о том, что и сам «аналитический кадр организован благодаря этой биполярности» (Дени, 2010, с. 40).

Подобно тому как интегрированная психическая бисексуальность, признавая разделение мужского и женского, обеспечивает их связанность и взаимодополняемость в психосексуальной констелляции, «двойственность» аналитика, согласно Дени, противостоит расщеплению, *«помогает как одной, так и другой составляющей в их взаимном функционировании»* и *«ставит своей целью установление обоих полюсов противоречия и способствует их осмыслению»* (Дени, 2010, с. 40).

Такая амбивалентность травматична для пациента, но именно она заставляет его искать путь реорганизации: «Для аналитической ситуации свойственна постоянная дестабилизация усилий пациента, направленных к фиксации отношений в стабильной форме, которая привела бы пациента к знакомой ситуации» (Дени, 2010, с. 42). В конечном итоге отцовская функция аналитика как «антиобъекта вводит де-факто триангуляцию, являющуюся ориентиром как для аналитика, так и для пациента, в виде третьего лица в голове аналитика. Таким образом эдипальная организация психоаналитического лечения оказывается вписанной в аналитический кадр» (Дени, 2010, с. 42).

3. Отец дня и отец ночи

Неизбежная бисексуальность отцовского переноса обусловлена не только указанной спецификой психоаналитического процесса, но и отцовской ролью в развитии психосексуальности, которая воспроизводится в процессе терапии. В частности, отец, так же как и мать, осуществляет функцию контейнирования, но опосредованно, через холдинг пары матери и младенца; он также принимает на себя часть высвобождающейся либидинальной энергии ребенка после его сепарации от матери; наконец, разрешение эдипального конфликта вовсе не ставит отца в однозначную позицию «разлучника» и «соблазнителя». В этом ключе Розин Перельберг противопоставляет «отца дня», доброго и дополняющего мать, «отцу ночи» – сексуальному любовнику, который мать отбирает (Перельберг, 2015).

Дэвид Шарфф указывает, что роль отца не сводится к роли «важного, но второстепенного заботящегося лица»: «Во-первых, он обеспечивает надежность первоначального процесса привязанности. Поддерживая и заменяя мать, он выполняет "контейнирующую" функцию для нее и для младенца, защищает их от внешнего мира. Тогда мать, чувствуя себя в безопасности, обращает все свое внимание на младенца, и "первичная материнская озабоченность" реализуется беспрепятственно. Во-вторых, с самого начала отец представляет собой ту силу, которая вытаскивает младенца из симбиоза с матерью. Находясь одновременно внутри и вне этих отношений и предоставляя поддержку, он поощряет младенца выходить из его аутистической раковины симбиотического единения во внешнюю реальность».

Д. Биркстед-Брин также обращает внимание, что материнские холдинг и контейнирование сами по себе содержат в себе мужской компонент в виде способности матери смотреть на себя и младенца со стороны: «...контейнирование уже сочетает материнскую функцию "бытия вместе" и отцовскую функцию наблюдения и связывания. Чтобы контейнировать младенца, мать должна воспринимать проекции эмпатически (женская, материнская функция), но также и смотреть на них со стороны (мужская, отцовская функция)» (Биркстед-Брин, 2010). В противном случае материнское контейнирование может трансформироваться в болезненную симбиотическую связь и вести к конфликтам, связанным с сепарацией.

Идеи о двойной роли мужчины в воспитании ребенка, которая не сводится к одной лишь сепарации и триангуляции, находят непосредственное отражение в психоаналитической работе: «Мужчины могут осуществлять материнскую функцию, и я один из них. Я забочусь о своих пациентах как женщина... Я обнаружил, что могу быть достаточно тверд с (клиентами-мужчинами), но при этом контейнировать их и проявлять заботу. Они хорошо на это реагировали – возможно, находя понимание в хорошем холдинге. Осмелюсь сказать, они, вероятно, испытали бисексуальное инвестирование», – рассказывает Харви Рич (Рич, 2018).

Шарфф продолжает, переходя к более очевидной эдипальной и триангулирующей функции отца: «Отец сперва создает возможность для матери и младенца существовать в виде поглощенной друг другом пары, а затем способствует их обращению к внешнему миру... Он с ранних лет мягко ведет своего рода подрывную деятельность, одновременно защищая пару мать – дитя и поощряя выход младенца за пределы материнской привязанности, во внешний мир».

«Мягко ведет» и «поощряет» – эта модальность наилучшим образом отражает отцовскую бисексуальность, разительно отличающуюся от традиционной маскулинности с ее «запретами» и «границами». Розин Перельберг пишет: «Центральным вопросом эдипова комплекса становится – быть или не быть фаллосом, то есть быть или не быть объектом материнского желания. Следовательно, роль отца также становится символической: она отражает невозможность быть объектом материнского желания» (Перельберг, 1985). Этот переход к эдипальной фазе не означает полную трансформацию отцовской роли, а лишь ее расширение.

Необходимо также помнить, что ребенок также распространяет на отца высвобождающиеся после сепарации с матерью либидинальную энергию и влечение, а прохождение эдипального конфликта в любой форме, позитивной или негативной, не исключает полностью влечений к объектам обоих полов.

Катрин Шабер указывает, что «мужское начало и отец не обязательно являются носителями постоянного источника власти, силы и господства»: «Женское начало и мать также не обязательно проявляют пассивность и подчинение, это далеко не так! Скорее динамика фантазий охватывает противоположные пары: "активность – пассивность", "мужское – женское", "садизм – мазохизм", "любовь – ненависть" – и приписывает их отцу или матери как первичным объектам любви, след которой остается в обычных представлениях о мужском и женских началах» (Шабер, 2018, с. 139).

Моник Курню-Жанен также говорит о том, что Фрейд поместил идею отказа от женского в фаллическую мужскую теорию сексуальности и не хотел ее пересматривать. Но, «настаивая в конце своей работы на множественности бисексуальных идентификаций у обоих полов», он, по ее словам, «дал ключи к представлению другой теории», согласно которой «фаллическое начало больше не является монополией мужчин, равно как и женское начало не принадлежит женщинам» (Курню-Жанен, 2018, с. 159).

Р. Перельберг указывает в работе «Психическая бисексуальность» на то, что «интерпретация фрейдовского "Жуткое" (1919) проводит различие между отцом дня (добрый отец, дополняющий мать, выполняющий материнскую функцию) и отцом ночи (сексуальный отец, отвратительный, дьявольский, который отбирает мать, являясь ее любовником)» (Перельберг, 2015). «Когда женское не может функционировать достаточно стабильным и организованным образом, тогда логика фаллический – кастрированный и активный – пассивный быстро берет верх, вовлекая в глубокий регресс» (Зилха, 2018, с. 231). Таким образом, если в процессе аналитической работы мы стремимся к связыванию, реконструкции и реинтеграции психосексуальных противоположностей, то отцовский перенос, к которому следует стремиться в процессе аналитической работы, – это определенно отец дня, но не ночи. Отцовский перенос, разворачивающийся в исключительно мужском регистре, будет вести скорее к поляризации и противопоставлению, нежели к связанности и взаимодополняемости влечений и идентификаций.

4. Множественные идентификации

Сама психосексуальность, вне зависимости от пола, конечной идентичности и объектного выбора человека, включает в себя уникальную совокупность идентификаций с родительскими объектами обоих полов. В женщине, таким образом, обнаруживаются мужские идентификации, а в мужчине всегда присутствуют женские компоненты, но также у обоих полов обнаруживают себя женские элементы отца и мужские элементы

матери. Отцовский перенос, таким образом, содержит не только мужские и женские элементы отца, но и его гомо- и бисексуальные идентификации – а собственная психическая бисексуальность аналитика становится ключом для их восприятия и анализа.

Кристиан Давид называет процесс интеграции маскулинных и феминных аспектов «*бисексуализацией*», указывая, что он не завершается вместе с разрешением эдипального конфликта, и утверждая, что «на протяжении жизни либидо обычно колеблется между мужским и женским объектом». Аналитический процесс, по его словам, предполагает процесс релятивизации половых различий, возобновления бисексуальности для установления полной бисексуальной функции. Эта «полная бисексуальная функция» является целью анализа и предполагает гармоничную интеграцию различных идентификаций и объектных влечений, конструирование либо восстановление гармоничной связи и взаимодополняемости «мужских» и «женских» элементов.

Выше уже были описаны примеры работы бисексуальности аналитика, выраженные в его способности колебаться между женской пассивной восприимчивостью и мужской репрезентативной активностью, принимать на себя материнскую функцию контейнирования и одновременно поощрять триангуляцию, но не вводить ее насильственно.

На еще одно значение психической бисексуальности для эффективной работы аналитика указывает Тьерри Бокановски: «...аналитик наделен некоторой свободой в отношении собственной предсознательной фантазматической жизни, сотканной из одной из детских сексуальных теорий, что может быть им использовано с определенной степенью внутренней свободы. Это позволяет аналитику свободно идентифицироваться с другим, в том числе и с другим полом, с отличной от его собственной психосексуальностью. Эта способность указывает на то, что собственная бисексуальность психоаналитика была проработана и психически интегрирована и поэтому способна "полноценно" работать» (Бокановски, 1997).

Эта свобода выполняет двойную функцию. С одной стороны, она позволяет смотреть на материал и переживания пациента его глазами, несмотря на половые и психосексуальные различия – благодаря этому, например, аналитик-мужчина оказывается способен воспринять чувства и сексуальные влечения гетеросексуальной девушки-клиента или гомосексуальные влечения клиента-мужчины. С другой стороны, если мы говорим о ситуации отцовского переноса, свобода идентификаций аналитика позволяет ему увидеть и корректно интерпретировать гомосексуальные и бисексуальные аспекты отношений клиента с отцовскими фигурами.

Натали Зилха приводит пример Д. Винникотта, описанный им в работе «Расщепление на мужские и женские элементы» (Винникотт, 1966): «Случай Винникотта показывает, как бисексуальность, которую невозможно создать интрапсихически, раскрывается и драматизируется на этапе переноса и контрпереноса. Здесь Винникотт разделяет с нами свою восприимчивость к фундаментальному различию или инаковости, которой он может проникнуться, позволяя увлечь себя, и которой он дает свободу выражения посредством своих интерпретаций» (Зилха, 2018, с. 249).

Аналогичным образом Розин Перельберг обращается к случаю Харви Рича и его пациента Байрона: «Анализ Байрона показывает, как бисексуальное слушание психоаналитика-мужчины может помочь пациенту развить бисексуальность, которая была подорвана его семейной историей». «В ходе своего анализа Байрон смог исследовать с аналитиком-мужчиной свою гомосексуальную пассивную позицию по отношению к отцу. Аналитик был способен принять и проработать гомосексуальный перенос. Это способствовало укреплению преобладающей гетеросексуальной позиции Байрона» (Перельберг, 2018, с. 89).

С точки зрения метода, пишет Кристиан Давид, аналитик предлагает для ассоциативного процесса «свободу»: «равномерно распределенным вниманием, индифферентностью, некоторой приостановкой влечений и максимальной бисексуальной доступностью». Ссылаясь на работы Катрин Пара, он пишет, что «аналитики испытывают <...> аффективные переживания, которые они никогда не смогли бы получить в любой другой ситуации из-за своего пола» (Давид, 1975, с. 117). Именно эту способность Бокановски называет способностью «свободно идентифицироваться с другим, в том числе и с другим полом, с отличной от его собственной психосексуальностью» – способностью, без которой не было бы возможности истинного понимания и чувствования со стороны аналитика пациентов противоположного пола или иной ориентации (Бокановски, 1997).

Он говорит о бисексуальном психическом равновесии, которое «необходимо аналитику, чтобы следовать в аналитической ситуации за изменяющимися позициями, предлагаемыми ему переносом анализанта», и приводит в пример опыт Фрейда в работе с Дорой, признавшего, что «ошибкой было не осознавать и не иметь возможности вовремя проинтерпретировать гомосексуальный перенос Доры, который и тормозил лечение».

Эти рассуждения свидетельствуют о том, что и в процессе терапии отцовский перенос не обязательно связывается с идеями власти, силы, агрессии, границ и так далее. Напротив, в зависимости от каждого случая он содержит в себе – как и в случае с уникальной идентификацией и объектным выбором – особый и нередко противоречивый набор характеристик и чувств, адресованных пациентом своему личному образу отца. Аналогичным образом, те шаблонно «женские» чувства, которые аналитик может чувствовать в контрпереносе, совсем необязательно говорят нам о его «материнской» природе.

Наконец, в отцовском переносе находит яркое отражение идея о пассивации – преодолении «отказа от женского» через психическую бисексуальность и трансформацию оппозиции «пассивное/активное» в восприимчивость. Эта «позиция восприимчивости по отношению к материнской заботе», активная пассивность, разворачивается в процессе анализа в виде «уверенной пассивации, когда анализант отдает себя заботе аналитика» и готовности аналитика, в свою очередь, быть источником заботы, но не власти. Четвертая фрейдовская оппозиция «бисексуальность / отказ от женского» дает прямое указание на необходимость работы женского и бисексуальности в терапии и особенно – в ситуации отцовского переноса.

Розин Перельберг указывает на пассивацию как важнейшее требование к аналитическому процессу, вне зависимости от пола участников и типа переноса: «Психоаналитическое решение невозможно без этой уверенной пассивации, когда анализант отдает себя заботе аналитика» (Перельберг, 2018, с. 56). Рейчел Чаплин говорит, что способность к пассивному восприятию становится возможной «только тогда, когда в уме представлена активность пусть даже в состоянии покоя». Она развивает идею интеграции и совместной работы противоположностей психической бисексуальности: «Женское в этом смысле зависит от тихого присутствия "мужского". Таким образом, можно было бы прочесть неподвижный "мужской протест", с которым Фрейд сталкивается у своих пациентов, на самом деле как решительное удержание возможности необходимой психической бисексуальности. И для пациентов, и для аналитика глубокую пассивность можно терпеть или даже желать, если остается потенциально доступным "едва различимый след" другой идентификации с активностью» (Чаплин, 2018, с. 309).

5. В заключение

Джойс Макдугал на страницах «Тысячеликого эроса» указывает, что «интеграция бисексуальных желаний» и «конфликты вокруг бисексуальных стремлений» становятся «источником обогащения психики», в то время как «отсутствие их интеграции часто порождает симптомы и затруднения» (Макдугал, 1995). Рассуждая о путях интеграции гомосексуальных желаний, которые, по ее словам, применимы в равной степени и к мужчинам, и к женщинам, она формулирует список практических жизненных задач, для решения которых необходима интегрированная, ненарушенная психическая бисексуальность: стабилизация образа собственного я, усиление эротического удовольствия, усиление материнских чувств, творческое использование гомосексуальной идентификации, обогащение дружбы с людьми своего пола.

Биркстед-Брин сравнивает психическую бисексуальность с «психическим обладанием внутренним пенисом» — они необходимы «как мужчинам, так и женщинам, для хорошего умственного функционирования» (Биркстед-Брин, 2005). Перельберг дополняет, что процесс бисексуализации соответствует у обоих полов возможности приобретения «умственной способности фантазировать, понимать и делиться сексуальным и психосексуальным опытом кого-то другого пола» (Перельберг, 2018, с. 82). Натали Зилха отмечает также связь психической бисексуальности с «возможностью играть» (Зилха, 2018).

Если все эти замечательные качества являются следствием работы «полной бисексуальной функции», а психоаналитическая работа — инструментом ее коррекции, восстановления или приобретения, отцовский перенос как аналитическая ситуация не может и не должен рассматриваться с позиций традиционной маскулинности. Ограничивая отцовскую роль функциями сепарации, триангуляции, конкуренции, подчинения,

установления границ и запретов, мы удерживаем мужское в логике «фаллическое/кастрированное» и стимулируем «отказ от женского».

Бисексуальность отцовского переноса показывает способность мужского функционировать в значительно более широком диапазоне, включающем пассивность, восприимчивость, заботу и открытость. Несмотря на форму переноса, в аналитический процесс всегда оказываются включены компоненты обоих полов. На стороне пациента – в форме женских аспектов отцовских объектов и мужских – материнских, а также гомо- и бисексуальных аспектов обоих. На стороне аналитика – в форме активной работы его собственной бисексуальности, в виде соединения восприимчивости с интерпретативной функцией, умением почувствовать и распознать все сложные и зачастую конфликтные сочетания идентификаций и влечений, проявляемые одновременно в материале, переносе и контрпереносе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенштайн М., Рич Х. О бисексуальности. Родиться с двумя глазами. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
2. Биркстед-Брин Д. Фаллос, пенис и психическое пространство. Психоаналитические концепции сексуальности. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010.
3. Бокановски Т. Бисексуальность в процессе аналитического лечения: к вопросу о «женственности» мужчин. М.: Когито-Центр, 2007.
4. Гантрип Г. Шизоидные явления, объектные отношения и самость. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010.
5. Грин А. Нейтральный гендер. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
6. Давид К. Прекрасные различия. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
7. Дени П. Контрперенос в кадре и отклонениях. М.: ИОИ, 2020.
8. Зилха Н. Камни преткновения для женского, камни преткновения для психической бисексуальности. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
9. Курню-Жанен М. Происхождение психоанализа между бисексуальностью и переносом. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
10. Макдугал Д. Тысячеликий Эрос. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.
11. Перельберг Р. Ж. Психоаналитическое понимание бисексуальности. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
12. Чаплин Р. Как быть обоими, не являясь обоими, как быть обоими, являясь обоими: артикуляция психической бисексуальности в рамках аналитического сеанса. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
13. Шабер К. Скажи мне, с кем тебе лучше? К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
14. Шарфф Д. Э. Сексуальные отношения. Секс и семья с точки зрения теории объектных отношений. М.: Когито-Центр, 2019.

15. *Шаффер Ж.* Истерия: кризис либидо в связи с дифференциацией полов. М.: Когито-Центр, 2007.
16. *Шаффер Ж.* Психоанализ женского. М.: Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. Том III. № 1.

Psychic bisexuality: paternal transference

E. V. Tuzmukhametov

Tuzmukhametov Eldar V., Master of psychology, psychotherapist (Higher School of Economics), psychoanalytical counsellor.

The concept of psychic bisexuality declares the presence of both masculine and feminine identifications in individuals, regardless their gender and sexual identity. This puts psychic bisexuality in the center of psychoanalytical process and socio-cultural context. The following article researches the role of psychic bisexuality in paternal transference in heterosexual analytical pairs and applies the psychic bisexuality as a tool to address actual problems of equality, feminism, and new masculinity.

Keywords: *psychosexuality, psychic bisexuality, bisexuality, masculine, feminine, rejection of the feminine, passivation, father, transference, countertransference, paternal transference, new masculinity.*